
Т. И. Филиппов

**«Библиотека для чтения.
Журнал словесности, наук, художеств,
промышленности, новостей и мод».
1851. Январь**

Январская книжка «Библиотеки для чтения» начинается стихотворениями г. Григория Данилевского. Числом этих стихотворений двадцать; что касается их достоинства, то они до того слабы, что самая умеренная критика не может оправдать их появления в свет. Вот для примера несколько стихотворений:

Слеза

Прозябала бледная улитка
В глубине холодной океана.
Без конца потемок вечных пытка
Жгла ее, как пагубная рана.
Зарыдала жертва дна морского,
Из слезы жемчужина скатилась,
И в венце властителя земного
Между звезд алмазных засветилась...
Так и ты, поэт тоски и горя,
Меж людей проходишь одиноко...
Так и ты, как перл роскошный моря,
Наконец возносишься высоко.

В прозе это вышло бы так: «Подобно тому, как пытка вечных потемок жжет бледную улитку, как пагубная рана, так точно поэт тоски и горя проходит одиноко меж людей; как из слезы зарывавшей жертвы дна морского слагается жемчужина и светится потом в венце земного властителя, так и поэт наконец возносится высоко».

Смерть

Смерть — это прохладная ночь,
Жизнь — изнурительный день.
Смерклось, мне спится, мне лень...
Я утомился невмочь.
Дуб над могилой моей,
С дуба поет соловей...
В песнях и радость и стон,
Песням я внемлю сквозь сон.

Нечего говорить об отсутствии всякого содержания в этом стихотворении, заметим только, что в первом стихе не соблюдено даже надлежащего размера. Вот все такие стихотворения г. Данилевского; он очень неосторожно сделал, что напечатал их, ему придется выслушать от критики много неприятных замечаний. Из ряда

прочих его стихотворений выходит сонет «Степи Аккермана»; г. Данилевскому, впрочем, лучше нас известно, что это стихотворение не ему обязано своим достоинством.

За этими стихотворениями следует «Прошлогодний рассказ» А. Д. Содержание этого рассказа взято из нашей действительной жизни, чем он и отличается от прочих повестей, помещаемых в «Библиотеке для чтения». В этом рассказе главную роль играет петербургский денди, одно это обстоятельство дает ему право на внимание читающей публики. Дендизм принадлежит к самым грустным явлениям нашей общественности и представляет собою неисчерпаемый источник для современной сатиры. Было время, когда он производил некоторое обаяние, являлся чем-то величественным и неразгаданным; и не только в жизни общественной, но и в литературе нашей есть разительные примеры поклонения дендизму и несчастные попытки опоэтизировать его. Гениальная прозорливость Пушкина не допустила его обмануться мнимо-величественной наружностью этого в сущности жалкого явления; в «Евгении Онегине» он ясно показал, что под этой блестящей внешностью он разглядел болезненную и тщательно скрываемую пустоту; он разоблачил перед нами этих жалких людей, прикрывающих Гарольдовым плащом свое ничтожество. Лермонтов взял дело иначе; в своем Печорине он представил дендизм во всей его заманчивости и нигде не выказал сатирического взгляда на своего героя, напротив, относился к нему скорее с участием. Влиянию этого произведения критика не оказала своевременного противодействия, и множество несчастных молодых людей в увлечении этим жалким идеалом искажали в себе естественные движения, испортили свою молодость и потеряли возможность воротиться на настоящую дорогу. И до сих пор еще в нашей литературе появляются произведения, в которых дендизм представляется с поэтической точки; очень недавно «Современник» предложил публике «Вариньку» и «Записки Тамарина». Не пора ли наконец освободиться от этого обаяния и взять дело с совершенно противоположной стороны? Вместо того чтобы ставить на ходули и без того ходульные личности, не лучше ли подойти к ним поближе и снять с них маску? Сколько здесь богатства представится нашей сатире; как много нравственной пользы может она принести обличением этого уродливого похождения нашей подражательности. Дендизм проявился у нас в чрезвычайно различных формах; во всяком классе нашего общества он получил различные оттенки; если пристальнее взглянуть на дело, то величавый и неприступный денди окажется близким родственником так называемым моншерам и тем несчастным купеческим деткам, которые давно сделались уже добычею водевильного остроумия. Тот же Савка, да в других санках. И всякое литературное произведение, написанное с этою целию, имеет право на внимание критики, как выражение правильного и здорового взгляда на жизнь. Вот почему мы остановились с удовольствием на «Прошлогоднем рассказе», хотя с точки зрения художественной эта повесть неудовлетворительна, даже слаба, и задача не получает в ней полного решения. Представим вкратце содержание «Рассказа». Главное лицо рассказа — молодой денди Алмазов, человек, в котором природные средства убиты или искажены бесплодною, праздною светскою жизнью. В 1849 г. вечером накануне Рождества Христова, когда не бывает никаких публичных собраний, которыми исключительно жил Алмазов, ему некуда было деться: у него, как говорит автор, не было ни дружеского дома с хорошенькими малютками, ни умной женщины, с которой бы можно было проболтать весь длинный зимний вечер. А между тем, у него было огромное знакомство, он был хорош собою, богат, ни один бал не обходился без него, и все-таки никто из его знакомых не пригласил его в свой близкий, домашний круг, где бы он мог на приятствии отдохнуть от своих официальных отношений

к обществу. Впрочем, он сам очень хорошо знал, что пригласить его на такой вечер было бы вовсе неуместно и так же глупо, как пригласить оркестр Лядова и нарядиться в белый галстук для семейного вечера. Ему пришлось остаться наедине с собою: обстоятельство самое тяжелое для человека, который не выработал в себе ничего для себя, у которого нет душевного запаса, которому необходимо постоянное раздражение от внешних впечатлений. Он пошел бродить по улицам без определенной цели, в смутном расположении духа, оскорбленный пустотой своей парадной жизни. Одиночество навело его на тяжелое, но благотворное раздумье, и все, что в бедных остатках сохранилось еще в его душе хорошего, всплыло наверх. С завистью смотрел он на освещенные окна домов, прислушивался к серебряному смеху празднующих детей, сильнее и сильнее пробуждалось в нем желание дружеского общества, близких отношений. Проходя мимо какого-то подозрительного дома, он увидел, что с лестницы его сбежала молодая, красивая женщина и быстро пошла по одному с ним направлению. Встреча с этой женщиной и ее последствия для нашего денди и составляют содержание рассказа. Он познакомился с ней, оказавши ей услугу, и проводил ее до дому. Дорогой он дал ей почувствовать свою бесприютность, свое желание провести вечер в дружеском обществе; она в благодарность за оказанную услугу пригласила его к себе. Денди успел уже влюбиться в нее, сперва охотно принял ее предложение, но тотчас отказался, когда узнал, что она приглашает его в общество своего мужа и двух хорошеньких подруг. Светлое расположение его духа тотчас исчезло, он не понял простого и радужного предложения: ему чудились везде насмешки и мистификация, он сам так любил посмеяться над теми, кто послабее. Отказавшись от приглашения, он не отказался, однако, от своего нового знакомства, он решил преследовать молодую женщину, выведать тайну ее вечерней прогулки; в этом намерении он заметил ее дом, узнал ее имя и отправился искать следов ее в то закопченное строение, из которого она вышла. Всякой другой, более нормальный человек удержался бы от такого преследования, он понял бы сразу, что он сделал все, что следует, оказавши женщине услугу, и, какие бы она ни возбудила в нем чувства и желания, он повел бы себя иначе. Но в нашем денди любовь должна была выразиться, и действительно выразилась по-своему, преимущественно в форме ревности; он вдруг почувствовал за собою какие-то права на эту женщину, он был бы в состоянии требовать от нее отчета в ее поведении. И эта бесправная ревность стала источником всех последующих нечистых проделок с его стороны, которые посягали на спокойствие и семейное счастье молодой женщины. На другой день после своего знакомства с Валинской (имя молодой дамы) он встретил ее в маскарade; она ходила с мужем, и, казалось, они оба были счастливы до последней степени. Алмазов узнал ее, вспомнил ее вчерашнюю прогулку, это закопченное строение, из которого она вышла, и не мог ей простить ее счастья. В это время около трех богато одетых масок собрался кружок, которого внимание было устремлено также на счастливую чету. Одна из трех масок, раздосадованная известием, что это молодая, прекрасная и притом порядочная женщина, предлагает Алмазову букет за открытие в ее поведении каких-нибудь грешков. Алмазов предлагает маске спросить у нее, зачем она была вчера в небольшом домике и т. д. Этот вопрос смутил Валинскую, еще более ее мужа, и породил между ними недоумение. Между тем преследования Алмазова не ограничились этой выходкой, он на другой же день утром явился снова перед известным закопченным строением. Около этого самого дома встретил он своего давнего знакомого и учителя, Пандурова, некогда великолепного денди, который, промотавши все свое состояние, внезапно исчез из света, чтобы скрыть от его беспощадно-холодного смеха свое падение. С радостью бросился было он к нему, но Пандуров холодно отвечал ему,

что он его не знает, и скрылся. Целое утро проходил Алмазов перед домом, не знал, как приступить к дальнейшим розыскам; наконец, на его счастье, показался дворник и на его вопрос отвечал, что эта подозрительная лестница ведет в квартиру бедной итальянки, торгующей статуями. Алмазов вбежал к ней, купил у ней вещей, расположил ее в свою пользу итальянским языком и другими средствами, одним словом: достиг своей цели, узнал, что две комнаты своей квартиры итальянка отдает Пандурову и что к Пандурову ходит Валинская. Он подкупил бедную старуху, и она решилась доставить ему случай видеть Валинскую наедине с Пандуровым и таким образом узнать их взаимные отношения. Что же узнал Алмазов? Узнал он, что Пандуров был близкий родственник Валинских, что во все время своего затворничества он пользовался участием Валинской, которая старалась всеми средствами вырвать Пандурова из его одиночества, возвратить его обществу и снова сделать человеком. Узнал, следовательно, Алмазов всю низость своего поведения, узнал, между прочим, что Валинская даже не оскорбилась его выходкой и не обратила бы на нее никакого внимания, если бы считала себя вправе объявить своему мужу тайну своих отношений к Пандурову. Презрение Валинской к Алмазову, выраженное фразой «un enfant qui a pris du vin»¹, было наградой за его проделки. Рассказ заключается изображением мучительного состояния нашего денди, пораженного сознанием своего ничтожества и бесплодной ревностью.

Нельзя не заметить, что этот рассказ не отличается особенными достоинствами, что автор мало анализировал своего героя, скудно обстановил действие, одним словом — не воспользовался, как следует, материалом, который в таком изобилии предлагается писателю жизнью наших денди. Во всяком случае, мы отдаем должную справедливость г. А. Д. и считаем своею обязанностью сказать, что мы заметили в авторе правильный взгляд на вещи, что его рассказ, несмотря на важные недостатки в художественном отношении, читается с удовольствием и, разумеется, стоит вне всякого сравнения с теми повестями и комедиями, которые неблагоприятная судьба послала ему в соседство.

Далее, в отделе русской словесности, «Библиотека для чтения» предлагает публике оригинальную комедию в одном действии в стихах под заглавием «Заговорило ретивое» и коротенький рассказ под названием «Убийственный визит». Посредственное этих двух вещей, кажется, выдумать нельзя, дивиться надобно, на что надеялись творцы этих диковинок и журнал, так благосклонно открывший им свои страницы. Какая критика может остаться в границах самой обыкновенной вежливости при разборе таких уродливых произведений? Бывали в нашей литературе всякие явления; писал Кузмичев, Орлов покойник; так те по крайней так и знали, что пишут для сидельцев, их нельзя было и судить слишком строго, значение их в литературе было достаточно определено, посмеялся над ними, сколько душе угодно, и кончено. Совсем другое дело, когда такие вещи предлагаются журналом словесности, наук, художеств и т. д. Просто глазам не веришь. Содержание комедии следующее: у помещика Андрея Ивановича Степанова есть дочь 16 лет Александрина и двоюродная сестра Ольга Марковна, старая дева; руки Александрины ищет молодой и богатый помещик Мезецкий, а за Ольгу Марковну сватается тоже помещик, старый холостяк Курдюков. У Курдюкова с Ольгой Марковной сперва не клеится дело, потому что он ищет себе в замужество «бабу для сельского хозяйства», а Ольга Марковна идеальничает, но Александрина устраивает их союз. У Александрины с Мезецким тоже сперва не ладится дело; Александре сперва не хочется отчего-то за Мезецкого, а потом что-то захотелось, и она соглашается.

¹ Ребенок, который выпил вина (франц.).

В этом все содержание воистину оригинальной комедии. Считаю нужным сделать несколько выписок для оправдания нашего отзыва. Берем наудачу, что попадется. Вот, например, разговор Курдюкова с Ольгой Марковной, он говорит ей об ее будущих обязанностях:

А (,) главное: прошу беречь мой скотный двор!
 Скотину (,) долг велит беречь (,) и холить...
 Хороший скот-с (,) для человека клад!
 И долг вам будет...

О л ь г а М а р к о в н а

Нет-с! прошу меня уволить!

К у р д ю к о в

Никак нельзя-с! я от скота богат!
 В уезде моего нет лучше домоводства...
 Я-с (,) собственно женюсь для пользы скотоводства!

О л ь г а М а р к о в н а *(громко)*

Ай, ай! какой mauvais²!!

К у р д ю к о в

Мо-ве-с?

А это... что-с?

.....

Мове... не знаю-с! Чай преважная порода?
 Да что об ней! Я вот... на вас гляжу.
 И вижу-с... что понять вы не хотите дела.
 Вы, матушка...

О л ь г а М а р к о в н а

Ах! нет! молчите! — я скажу
 Про вас (,) все то, что я давно сказать хотела:
 Ефрем Антонович! вы... созданы не так!
 Я (,) вас пересоздам!..

К у р д ю к о в

О-го!.. Ну, нет! Избавьте-с!
 Знать, с вами пива мне уж не сварить никак!
 Нет-с, Ольга Марковна! вы сами поисправьтесь!

О л ь г а М а р к о в н а

Comment³!?

К у р д ю к о в

Да-с! я хочу-с по-русски вам сказать:
 Когда сожительской не признаете власти,
 То с вами нече толковать —
 Вы мне, голубушка, не к масти!

² Плохой (*франц.*).

³ Как? (*франц.*).

Что же это такое? В 1851 году еще возможны в русской литературе такие явления! Непостижимо! Это верх неприличия!

Содержание «Убийственного визита»: молодой граф Горский, воротившись из-за границы, поехал в какой-то губернский город, где проживал один из его радужных благоприятелей, с которым он когда-то довольно покутил на белом свете. Там он познакомился с какой-то вдовушкой, влюбился в нее и добился ее взаимности. Но вдова, желая испытать прочность его чувств, осуждает его на временную разлуку с ней. Дорогой графа разбились лошади, он свихнул себе ногу и был отнесен в дом к радушному соседнему помещику. Дочь этого помещика заставила его забыть вышеупомянутую вдову; он женился на Марии. «Однажды утром Мария сказала мужу, что чувствует себя матерью. Анатолий целовал жену, называл ее гением-утешителем и через час послал в город за доктором». Мария, между прочим, была давняя приятельница вдовушке и на время беременности пригласила ее к себе. Анатолий и вдовушка сначала повели себя ловко, Марии они и не показали, что давно были знакомы. Раз Мария куда-то вышла; оставшись вдвоем, Анатолий и вдовушка разговорились о прежних отношениях; он сказал несколько неосторожных слов, которые долетели до слуха Марии. Эти слова были причиной смерти Марии, которая, умирая, просит у мужа в чем-то прощения и завещает ему беречь ее первенца. Вдовушка уехала домой, как ни в чем не бывало, а Анатолий «вдруг поседел, сторбился, как старик, и от горя и тоски так упал духом, что в Петербурге его никто не узнавал». Это ужасно! Этот рассказ отличается безграмотностью и каким-то ребяческим тоном, точно мальчик какой писал. Часто попадаются фразы без смысла, слова употребляются не в собственном значении (не подумайте, что автор склонен к метафоре, нет! просто не понимает значения слов), впрочем, знаки препинания стоят гораздо правильнее, чем в оригинальной комедии. Не можем отказать себе в удовольствии привести несколько отрывков из «Убийственного рассказа». Вот разговор Анатолия с вдовушкой. Она не верит его признаниям и говорит: «Что касается до истинной и постоянной любви, ее нет на свете, да и быть не может, потому что нынче все мужчины — большие эгоисты, которые вечно стараются уверить нас своими кондитерскими комплиментами, что мы, женщины...

— Позвольте! Позвольте! — сказал Анатолий, — ...позвольте, позвольте вам заметить, что между мужчинами действительно есть такие, которых можно назвать эгоистами. Однако из этого еще не следует заключать, что все мы, сколько нас ни есть на свете, так ветрены и непостоянны в своем слове, что нам нельзя и верить. Прошу вас заметить, кто любит, тот всегда говорит искренно и справедливо, потому что он убежден в справедливости слов своих (резон, нечего сказать!) Теперь можно ли мне сказать, что я (—) люблю вас, и еще как люблю! Я готов все отдать, чтобы только видеть вас, быть с вами вместе, слышать ваш очаровательный голос, знать, что уста ваши раскрываются для меня... только для одного меня!» Хорошо еще разговаривает Анатолий с Марией. Сидели они вдвоем, никого дома не было. «— Скажите, пожалуйста, какой это цветок? — спросил граф, показывая Марии на горшок с лилиями. — Разве вы не знаете? — Нет... или почти нет: я никогда не занимался ботаникой. — Да тут и не нужно знать ботаники, чтобы сказать, какой это цветок. Это лилия. — Скажите, пожалуйста! А я не знал! Как этот цветок похож на вас. — Благодарю за комплимент». На охотника это просто наслаждение читать. Нельзя не заметить, что автор подражал известному разговору Подколесина с Агафьей Тихоновной: «Подколесин: Какой вы любите цвет? Аг. Тих.: Который покрепче пахнет, гвоздику-с!» Хотя мы привыкли встречать в этом отделе «Библиотеки для чтения» плохие вещи, но таких, кажется, не было, до такого цинизма дело не доходило. В отделе иностранной словесности помещена первая часть «Шерли», повести Керрер-Белла, и первая часть «Ольбенийского холостяка», романа автора «Семейства Фоконов».

Самый лучший отдел в «Библиотеке для чтения», разумеется, науки и художества; статьи, помещаемые здесь, отличаются по большей части общедоступностью изложения и нередко занимательностью содержания. В этой книжке помещена занимательная статья барона Медема, сообщающая много занимательных подробностей относительно устройства и состояния военно-учебных заведений в Пруссии. Другая статья, имеющая право на внимание публики, это «Путешествие и труды Августа Леярда в древней Ассирии».

Сведения о Березовском и Галуппи не представляют никаких исследований по части музыки, статья эта сообщает только некоторые биографические подробности.

В отделе промышленности и сельского хозяйства помещены две статьи: «Недостатки компанейского управления железными дорогами» и «О состоянии сельского хозяйства в Харьковской губернии». Автор последней статьи, г. Топчиев, родился и живет большую часть своей жизни в Харьковской губернии, состояние хозяйства в том краю ему известно в подробности. Как образованный хозяин, он не может остаться равнодушным к тому обстоятельству, что хозяйственные средства тамошнего края не обращают на себя должного внимания землевладельцев, остаются в своем природном, первоначальном виде и потому не дают тех выгод, которые мог бы извлечь из них труд, соединенный с верным взглядом на хозяйство. Хотя нельзя признать безусловно верными все меры, которые предлагает автор для улучшения хозяйства в Харьковской губернии, тем не менее, нельзя не благодарить его за множество известий, сообщенных в его статье о знакомой ему местности, и за его старание обличить наших землевладельцев в лени и равнодушии к народному богатству. Не можем удержаться от одного замечания: г. Топчиев в числе мер к улучшению хозяйства в своем краю предлагает составить компании на акциях для проложения железной дороги от Харькова через Курск до Витебска, чтобы таким образом соединить наши внутренние хлеботородные губернии с Ригой. Как согласить это предложение с предыдущей статьей?

В отделе критики помещен разбор сочинения г. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью». Критика сделала г. Березину много дельных замечаний; мы остановились с любопытством на некоторых филологических соображениях, иные очень остроумны, а другие не оставляют, кажется, никакого сомнения насчет их верности. К числу последних мы относим объяснение названий наших рек: Днепра, Днестра, Дуная, Дона. Рецензент жестоко упрекает автора за его иногда шуточный и веселый тон. Неприлично, говорит он, в костюме буффо путешествовать по Востоку. Не понимаем этого упрека в устах рецензента, потому что он сам в этом костюме лет двадцать путешествует не только по Востоку, но и по Западу, со всеми науками включительно.

В литературной летописи, которая некогда отличалась известного рода остроумием, мы не нашли за этот месяц ничего любопытного; верно, последние явления нашей литературы мало предложили ей материала. Большой подрыв ей сделала сама редакция: зачем было помещать в своем журнале такие произведения, как комедия Григорьева и «Убийственный рассказ»? Впрочем, что за беда? К чему предрассудки? Мы бы посоветовали редакции отдать упомянутые вещи на жертву литературной летописи; глумилась же «Библиотека» над тем, что дорого и важно для всякого образованного читателя, а над собой-то посмеяться греха нет: это оскорбить никого не может. А уж как бы публика-то была довольна! Удерживаемся от общих заключений насчет разбираемого журнала; общество давно уже определило для себя его значение. Влияния на литературу, при всех неоспоримых достоинствах, учености, остроумии главного издателя, он не имеет никакого, по отсутствию направления, следовательно, нет особой нужды противодействовать тому, что в нем высказывается.

Т. И. Филиппов

«Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». 1851. Январь

Впервые: М. 1851. № 7. С. 404–410. Без подписи. Цензурное разрешение — 01.04.1851. Цензор Д. С. Ржевский.

Атрибутируется на основании хранящегося в архиве М. П. Погодина списка авторов номеров «Москвитянина» за несколько лет с указанием числа печатных листов, принадлежащего каждому (см. Приложение II, с. 569).

Т. И. Филиппов, в будущем крупный государственный и церковный деятель, начал свою карьеру в роли литературного критика в составе «молодой редакции». Его статьи (Филиппов в течение некоторого времени обозревал «Библиотеку для чтения» и «Современник», писал отдельные

статьи о театре и некоторых русских и зарубежных книгах) отличались известной догматичностью и жестким следованием раз и навсегда заданным критериям, подчас внелитературного порядка. Роль Филиппова в «молодой редакции» была не очень велика: из-за личного конфликта с Погодиным, отказавшимся выдать за него свою дочь, Филиппов ушел из «Москвитянина» в 1853 г.; программных статей и увлекательных фельетонов он не писал, современники обращали на него мало внимания. Тем не менее роль Филиппова в истории изучения «молодой редакции» оказалась исключительно важна: из всех членов «молодой редакции» он единственный дожил до начала научного изучения «Москвитянина» и сообщил Н. П. Барсукову много ценных сведений о жизни кружка (не все из них, впрочем, считаются достоверными). О роли Филиппова в журнале см. также вступительную статью к наст. изд., с. 15.

Статья представляет собою первое серьезное выступление Филиппова-критика в жанре журнального обзора на страницах «Москвитянина». Ценность статьи, в первую очередь, состоит в том, что в ней содержится развернутое рассуждение о «дендизме» в русской литературе и в общих чертах выстраивается его генеалогия. По мнению Филиппова, Пушкин в «Евгении Онегине» сумел разглядеть под «блестящей внешностью» денди «болезненную и тщательно скрываемую пустоту», а Лермонтов, напротив, в Печорине «представил дендизм во всей его заманчивости и нигде не выказал сатирического взгляда на своего героя» (с. 83). Характерным для «москвитянинцев» образом в фигуре денди фокусируются особенности двух негативно оцениваемых молодыми критиками литературных явлений — «светскости» и «печоринства» (Филиппов, в отличие от других сотрудников «молодой редакции», обращается скорее к идеологическому плану произведения, чем к его художественному уровню). Предпочтение «Прошлогоднева рассказа» А. В. Дружинина первым двум повестям о Тамарине М. В. Авдеева наглядно показывает, какие именно принципы отношения автора к своему герою защищает «молодая редакция». Отсутствие симпатии к герою-денди, разоблачение его мелочности, человеческой неполноценности, скрытых под маской светского льва, позволяет Филиппову выделить в рассказе Дружинина «правильный взгляд на вещи», и оценить его безусловно положительно, «несмотря на важные недостатки в художественном отношении» (с. 85). Обзор Филиппова, таким образом, оказывается, с одной стороны, в ряду высказываний «москвитянинцев» против «лермонтовского» направления в русской литературе (см. в наст. изд. обзоры русской литературы за 1851 и 1852 гг. Григорьева), а с другой — должен восприниматься как развитие идей об «искренности», высказанных в непосредственно предшествовавшей по времени статье Е. Н. Эдельсона (наст. изд., с. 69–70) и рецензии Островского на «Тюфяк» Писемского, помещенной в том же номере «Москвитянина», что и статья Филиппова (наст. изд., с. 81). Показательно в данном случае, что «искренность», понимаемая «молодой редакцией», в первую очередь как дистанция между автором и его героем, непредвзятое отношение первого ко второму, объективность, сама по себе не является залогом художественности («с точки зрения художественной эта повесть неудовлетворительна»), но за отсутствием лучшего уже сама по себе выделяет произведение из литературного контекста.

С. 82. ...стихотворениями г. Григория Данилевского. — Григорий Петрович Данилевский (1829–1890) — поэт, переводчик, позже автор исторических романов (в том числе романа «Княжна Тараканова»), постоянный сотрудник «Библиотеки для чтения». Стихи цитируются Филипповым не совсем точно. В стихотворении «Слеза» у Данилевского жемчужина не «скатилась», а «сложилась». Стихотворение «Смерть» у Данилевского графически разделено на четверостишия.

С. 83. ...г. Данилевскому, впрочем, лучше нас известно, что это стихотворение не ему обязано своим достоинством... — Стихотворение «Степи Аккермана» (подзаголовок: «Сонет ***»), помещенное в подборке «Библиотеки для чтения» под номером XI, является переводом сонета А. Мицкевича «Stery akermanske» (1826). Само название цикла Данилевского — «Крымские стихотворения», — безусловно, отсылает к «Крымским сонетам» Мицкевича.

С. 83. ...в литературе нашей есть разительные примеры поклонения дендизму и несчастные попытки опозитизировать его. — Примеры «печоринства» (контекстуально синонимичное «дендизму» явление) в современной русской литературе названы в статьях Эдельсона и Григорьева об «Отечественных записках» и «Современнике» за 1850 г. Эдельсон указывал на повести Марченко «Тени прошлого» и Тургенева «Дневник лишнего человека» в «Отечественных записках» (см. наст. изд., с. 64–65). Ср. также отзыв Григорьева о «Записках Тамарина» и «Дачном рассказе», цит. выше (наст. изд., с. 582).

С. 83. ...очень недавно «Современник» предложил публике «Вариньку» и «Записки Тамарина» — «Варинька» (С. 1849. № 9) и «Записки Тамарина» (С. 1850. № 1–2) — повести М. В. Авдеева, позднее включенные в состав романа «Тамарин» (1852). Об отношении «молодой редакции» к роману и его заглавному персонажу см. в коммент. к рецензии Григорьева на комедию П. Н. Меншикова «Причуды» в наст. изд., с. 582.

С. 83. ...дэнди окажется близким родственником так называемым моншерам... — Моншер (от франц. 'mon cher', букв. — мой дорогой) — франт, модник. В качестве обращения это слово часто используется, например, в очерках из цикла И. И. Панаева «Опыт о хлыщах» (1854–1857).

С. 83. ...мы остановились с удовольствием на «Прошлогоднем рассказе»... — Рассказ А. В. Дружинина (БдЧ. 1851. № 1).

С. 85. ...un enfant qui a pris du vin... — В «Прошлогоднем рассказе» А. В. Дружинина героиня язвительно характеризует Алмазова этой фразой (БдЧ. 1851. № 1. Отд. I. С. 64).

С. 85. ...комедию в одном действии в стихах под заглавием «Заговорило ретивое» и коротенький рассказ под названием «Убийственный визит». — «Заговорило ретивое» — комедия Петра Ивановича Григорьева (1806–1871), русского актера и драматурга, также известного как Григорьев 1-й, изданная в том же 1851 г. отдельно. «Убийственный визит» — повесть А. М. Шакабента. В следующем номере «Библиотеки для чтения» Шакабент опубликовал еще одно сочинение — «Событие 1812 года».

С. 85. ...писал Кузмичев, Орлов покойник ~ посмеялся над ними, сколько душе угодно, и кончено. — Имеются в виду Ф. С. Кузмичев (см. о нем наст. изд., с. 641) и Александр Анфимович Орлов (ок. 1790–1840), романист, один из наиболее известных представителей русской массовой литературы первой половины XIX в. Уточнение «покойник» вводится Филипповым, чтобы не путать А. А. Орлова с драматургом Василием Ивановичем Орловым (1792–1860).

С. 86. А (!) главное: прошу беречь мой скотный двор! — Филиппов цитирует текст комедии с пропуском одной реплики Ольги Марковны и ряда авторских ремарок. Ср.: БдЧ. 1851. № 1. Отд. I. С. 84–85. В скобки Филиппов берет лишние знаки препинания.

С. 87. Однажды утром Мария ~ послал в город за доктором. — Здесь и далее цитируется повесть А. Шакабента.

С. 87. ...автор подражал известному разговору Подколесина с Агафьей Тихоновною... — Филиппов далее неточно цитирует фрагмент диалога Агафьи Тихоновны с Подколесиным из второго действия комедии Н. В. Гоголя «Женитьба». Правильно: «Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите? Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с, гвоздику-с» (Гоголь. Т. 5. С. 50).

С. 87. ...первая часть «Шерли», повести Керрер-Белла, и первая часть «Ольбенийского холостяка»... — «Шерли» (1849) — второй из опубликованных романов Шарлотты Бронте, издан под псевдонимом Керрер Белл (Cutter Bell). «Ольбенийский холостяк» («The Bachelor of the Albany», 1847) — наиболее популярный роман ирландского писателя М. Сэведжа (Marmion Wilme Savage, 1803–1872); «Семейство Фокенов» («The Falcon Family, or Young Ireland», 1845) — его первое произведение.

С. 88. ...занимательная статья барона Медема ~ «Путешествие и труды Августа Лейарда в древней Ассирии». — «Военно-учебные заведения Пруссии. Статья первая» (Отд. III. С. 1–60) — статья барона Николая Васильевича Медема (1798–1870, генерал от артиллерии, в 1848–1858 гг. — председатель военно-цензурного комитета). «Путешествие и труды Августа Лейарда в древней Ассирии и открытие памятников Нинивии» (Там же. С. 61–108) — перевод фрагмента книги знаменитого английского археолога Остина Генри Лэйарда (Austen Henry Layard, 1817–1894) о раскопках Ниневии («Nineveh and its Remains», 1849). Публикация была продолжена в след. двух номерах «Библиотеки для чтения». Текст сопровождался иллюстрациями из книги Лэйарда.

С. 88. ...«Недостатки компанейского управления железными дорогами» и «О состоянии сельского хозяйства в Харьковской губернии» ~ Как согласить это предложение с предыдущей статьей? — В анонимной статье об акционерных железнодорожных компаниях на примере Англии было показано, что по мере роста капиталов таких компаний непропорционально резко возрастали расходы на строительство дорог. Это объяснялось тем, что головокружительные доходы от продажи акций на первых порах отодвинули в сторону гораздо более важные и сложные инженерные аспекты железнодорожного дела: «Вследствие выгод спекуляций на акции железных дорог настоящий источник доходов от дорог был совсем упущен из виду. Законные выгоды от благоразумного и бережливого образа пользования дорогами сделались в глазах их основателей и директоров делом второстепенным в сравнении с положением курса акций на биржах» (БдЧ. 1851. № 1. Промышленность и сельское хозяйство. С. 6). Все это в конечном итоге привело к банкротству многих компаний и убыткам их акционеров. Автор статьи о харьковском сельском хозяйстве Е. Топчиев отметил, кроме прочего, что «Харьковская губерния, при всей небрежности в ней обработки земли, производит хлеба гораздо больше той пропорции, какая нужна для прокормления жителей» (Там же. С. 26). Вывезти излишки хлеба (и других сельскохозяйственных товаров, в первую очередь, шерсти) в соседние губернии или за границу не позволяют плохие черноземные дороги, движение по которым с грузом большую часть года практически парализовано. В связи с этим Топчиев предлагает строительство железной дороги, которая через Курск соединила бы Харьков с Витебском (а значит с Западной Двиной — важнейшей судоходной рекой) или с одним

из балтийских портов (для дальнейшего вывоза товаров за границу). Такую дорогу можно было бы, по мнению автора статьи, построить на акционерный капитал. Это предложение очевидно противоречит выводам статьи о железных дорогах, о которой говорилось выше.

С. 88. В отделе критики помещен разбор сочинения г. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью» ~ путешествует не только по Востоку, но и по Западу, со всеми науками включительно. — Филиппов атрибутирует анонимную рецензию на книгу И. Н. Березина «Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами примечательных мест» (Казань, 1850) редактору «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковскому. Насмешка Филиппова связана с особенностью репутации Сенковского (современники характеризовали его как вечно забавляющегося литератора, см. об этом наст. изд., с. 11), который, помимо профессиональных работ по ориенталистике, был известен популяризаторскими статьями по этнографии, физике, математике, геологии, медицине. Кроме того, Сенковский был автором фантастических и нефикциональных сочинений в жанре путешествия. Для критика «Москвитянина» такой разброс интересов непременно ведет к отсутствию необходимой глубины понимания и дилетантизму. Филиппов в данном случае отсылает к след. фрагменту рецензии «Библиотеки для чтения»: «По несчастью, он <Березин> предпочел умной, одушевленной, но приличной речи о предметах, достойных любознательности, послеобеденный тон оперы-буффы, изысканной громкими шутками сомнительной веселости и ловкости. Принятое на себя звание *путешественника по Востоку* он решил превратить в роль ориентального Фигаро, потешающегося над Востоком с остроумием, не принадлежащим ни одной из кардинальных сторон света. <...> Придуманый им для этой буффо-образной роли слог, совершенно невыносимый для читателей, одаренных даже умеренным количеством хорошего вкуса, отличается тем неблагоприятным тогилизмом, которым можно было бы писать только кавказские “Мертвые души”, а не ученое путешествие по Дагестану и Закавказью» (БдЧ. 1851. Отд. V. С. 2). Следует отметить, что автора рецензии в «Библиотеке для чтения» раздражают не только тон Березина, но и его востоковедческая некомпетентность и пренебрежительное отношение к восточному миру.

С. 88. В литературной летописи, которая некогда отличалась известного рода остроумием ~ глумилась же «Библиотека» над тем, что дорого и важно для всякого образованного читателя... — В «Литературной летописи» в 1842 году была помещена насмешливая рецензия Сенковского на первый том «Мертвых душ» Гоголя (см.: БдЧ. 1842. № 8. Отд. VI. С. 24–54). Очевидно, об этой рецензии Филиппову напомнило издевательское упоминание о «Мертвых душах», возникающее в рецензии в связи с сочинениями Березина (см. выше).